

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ,
О ЧЕМ СПОРИМ

ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ ЗАНАВЕСА

Удивительное, ни с чем не сравнимое волнение владеет работниками театра накануне открытия каждого нового театрального сезона. Каждый раз кажется, что начинающийся сезон и будет для тебя самым главным в жизни, что именно в этом сезоне и наткнешься, наконец, на золотую жилу, которая обогатит нашего зрителя и самого художника. Эта трепетная надежда охватывает все поколения наших актеров, по крайней мере, я ощущаю ее так же остро и напряженно, как и пятьдесят лет назад, в самом начале творческого пути. Вероятно, подобное чувство владеет геологом, начинающим трудную экспедицию, отправляющимся в неизведанную тайгу. Нужно искать, нужно найти!

Поступательное движение советского театра несомненно и никак не оспаривается. Но все же ошибок на нашем трудном пути поисков бывает еще много. Слишком часто мы, художники, бросаемся из крайности в крайность, бываем то чересчур робкими в поисках нового, то слишком смелыми, смелыми до безответственности в пренебрежении к традициям. Блуждая по боковым дорожкам в стороне от основной магистрали революционного театра можем кое-кого завести и в тупик, из которого выбраться трудно. А ведь есть в наших руках тот комплекс, который всегда указывает верную дорогу. Этот комплекс — развивающийся и обогащающийся метод социалистического реализма.

Широкое, емкое всеобъемлющее понятие — социалистический реализм — неразрывно связано с великим именем А. М. Горького.

Для нас, работников театра, Горький прежде всего непревзойденный драматург-новатор. Работа над пьесами Горького всегда доставляет величайшее творческое наслаждение. Темы Горького поражают ясностью идей, глубиной, яркостью характеров, напряженностью драматической ситуации, великолепным афористическим языком. Но каждый из актеров, режиссеров, театральных художников, работников над произведениями Горького, согласится со мной: работа над ними требует предельного напряжения и полной отдачи всех творческих сил. Здесь уж рассчитывать на легкий успех, на внешний эффект нельзя. Каждый образ Горького на сцене всегда должен быть для актера открытием. Проторенный путь штампов и трафаретов для воплощения горьковских произведений противопоказан и немед-

ленно мстит за себя равнодушием зрительного зала.

Для всех театральных произведений Горького характерны некоторые общие черты — мы одна тема не укладывается в прокрустово ложе того или иного жанра. Горький создал свой театр. В каждой пьесе он дает широкое, многоплановое полотно — верное отображение жизни, где рядом со страшным стоит смешное, где мелкое переплетается с великим, где трагическое оттеняется сатирой, а драматическое — иногда даже фарсом. Этот удивительный сплав и создает новую горьковскую драматургию. Горький поднимает своих героев в решающие минуты их жизни. В его пьесах обстоятельства складываются так остро, что часто встает вопрос о жизни и смерти героев. Это относится ко всем пьесам Горького и определяет громадную напряженность их внутреннего действия. И если в спектакле не хватает высокого накала, заложенного в пьесе, — он обречен на провал. Драма, в которой решается вопрос о жизни и смерти человека, о жизни и смерти типа, класса, нации, — нельзя ставить как бытовую старомодную пьесу. И в поисках формы спектакля всегда нужно открыться.

Горький — драматург такого же масштаба, как Шекспир и Мольер, и новое время требует нового постижения их произведений, нового исследования и трактовки сюжетов, а значит, и поисков новой формы. Я видел впервые «На дне» в Московском Художественном театре в 1920 году. Великолепный состав и, казалось бы, идеальная, исчерпывающая режиссерская трактовка. Но шли годы, менялся зрительный зал, и ничего не теряя в своей художественности, спектакль приобретал новые, непредвиденные постановщиком черты музыкальности и идейное звучание его изменилось. Через много лет Ленинградский академический театр имени Пушкина показал «На дне» в постановке Л. Вильяма уже совсем по-новому, и великолепные дарования Н. Симонова, К. Скоробогатова, Ю. Толубеева, М. Еккатеринского по-новому раскрылись и по-новому раскрыли содержание пьесы. Еще через десяток лет театр «Современник» показал свое прочтение «На дне», более близкое современному зрителю, повернувшее великое горьковское произведение новой и еще более созвучной нашему времени стороной, хотя трактовка пьесы не лишена изъянов.

Пять раз в своей сценической жизни я обращался к замечательной теме Горького «Дачники». Каждая встреча с этой поистине непримиримой пьесой, может быть одной из самых революционных горьковских пьес, была для меня счастьем.

Я не могу забыть триумф Бориса Шуккина в «Боре Бульчове». После смерти гениального Шуккина спектакль несколько раз возобновлялся с другими (и

Борис БАВОЧКИН,
народный артист СССР

□ □

очень хорошими) исполнителями, но, очевидно, всякая реставрация спектакля, пусть для своего времени великолепного, дело обреченное. Как учесть перемены, происшедшие со зрительным залом? Горьковский театр требует к себе серьезного внимания и самых высоких критериев. Но почему-то многие и многие опытные, талантливые актеры из наших 500 театров не пробуют своих сил в роли Бора Бульчова? Понимаю, что это очень трудно. Но ведь это захватывающее, интересное. Кинематограф оказался в данном случае смелее театра. «Мосфильм» снимает кинокартину по этой пьесе. Так хочется пожелать Михаилу Ульянову непроторенного решения этой роли, большого успеха и хочется заранее поверить, что на этот раз дело обойдется без разных ошибок, что столько часто встречающихся при экранизации русских классических пьес, когда вдруг оказывается, что «театральный штамп», совершенно противоположные искусству кинематографа, больше всего и привлекают авторов экранизации. Так, по моему мнению, произошло с экранизацией чеховских пьес «Чайка», «Дядя Ваня».

Хочется обратиться к нашим «пожилым героям», к артистам театра. Неужели не интересна им такая удивительная пьеса, как «Васса Железнова», так давно не идущая на наших сценах? Здесь не нужно брать за образец кинематографический вариант спектакля Малого театра. Это уже только исторический материал — не больше. Вообще я бы рекомендовал обратить внимание на первый вариант пьесы «Васса Железнова» — он совсем не знаком нашему зрителю и, может быть, превосходит второй вариант сочностью и яркостью. Кому посчастливилось видеть Михаила Романова в «Детях солнца», тот понимает, какие неисчерпаемые возможности дает исполнителю роль Протасова.

Я также не понимаю, почему нет в репертуаре наших драматических театров «Фальшивой монеты»? Недавно гастролировал в Москве Красноярский театр. Он показал эту таинственную, волшебную пьесу. Но только один раз. Что это, скромность, или в ней в свои силы или недоверие к зрителю? Ведь по отзывам моих товарищей, знатоков театра, красноярцы добились здесь большого художественного результата, и зритель прекрасно принял спектакль и понял пьесу. Но характерно, что ни в одной критической статье о московских гастроллях именно «Фальшивой монеты» не было упомянуто ни одной строчки.

Совершенно необычная сценическая история «Достигаева и других». В то время, когда театры сбивались с ног в поисках революционной драмы, ге-

ниальная пьеса на тему Великой Октябрьской социалистической революции, пожалуй, лучшая пьеса Горького, десятилетиями ждала своего воплощения на сцене. Театры предпочитали любые, общедоступные решения темы, и это принижающее решение брало верх и над высокой художественностью, и над идейной глубиной, и над неизменной достоверностью «Достигаева и других». Я смею думать, что Малый театр сделал большое, нужное дело, возвратив к жизни этот горьковский шедевр. Правда, есть еще люди, относящие «Достигаева...» по теме в разряд несовершенных пьес. Как будто тема Великой Октябрьской революции не современна!

ПЕРЕД НАЧАЛОМ нового театрального сезона, по-моему, каждый драматический театр должен внимательно продумать, серьезно взвесить свои возможности и намерения в отношении произведений А. М. Горького. Мы все перед ним в большом долгу. Говорю о горьковских традициях в сегодняшнем театре, нужно иметь в виду не только это. Речь должна идти о горьковском критерии при приеме «в работу» современных пьесы, о высоких требованиях к ее драматизму, к яркости образов, к высокой идейности и языку.

Недавно в Малый театр пришло письмо из Новосибирска. Автор письма И. В. Титнов делится впечатлениями от телевизионной передачи о Малом театре в Международный день театра. В частности, он пишет о спектакле, где была показана жизнь на одном из участков нашей промышленности, где велся разговор о завышении заработной платы, о графиках производства и т. д.

«Эно», — пишет И. В. Титнов, — знание вытщались (драматург и театр) проблемы человеческой судьбы и жизни на сцене театра! Дайте нам спектакли из нашей рабочей жизни, о судьбе людей, покажите острые конфликты в процессе формирования нового человека, глубоко раскрывающие характеры человека в наши годы — в годы строительства коммунистического общества... Надо раскрывать человека, а не бухгалтерскую книгу...»

Я думаю, что такое высказывание зрителя заслуживает серьезного внимания — оно полностью отвечает духу горьковских традиций, так нужных нашему театру. Ну, конечно, мы не против «производственной темы». Кстати говоря, не мы ее и выдумали. В драме Ибсена «Враг народа» чуть ли не целых два акта из пяти отданы разговорам об «анализе воды» в курортном водопроводе. Но это служит отправной точкой для разоблачения всей гнусности и продажности буржуазного общества. В результате — философская драма громадного разрушительного накала.

Горьковский «Варварах» рванет от постройки железной дороги,

которая должна пройти через уездный городок. Но для Горького этот мотив — лишь отправная точка для разоблачения варварства, разлагающего дореволюционное русское общество, для утверждения подлинного человеческого достоинства. А ведь некоторые современные драматурги вполне ограничили бы тем (не заметив значенных конфликтов), что по ходу пьесы железная дорога была бы успешно построена в результате усилий строителей, преодолевших некоторые производственные трудности. Но разве в этом задача театра и драматурга?

Нет, нам нужен театр героический. Нам нужно показывать идеального, а не только «положительного» героя. Именно об этом писал Горький в 1919 году, подготавливая организацию Большого драматического театра в Петрограде. «Необходимо научить людей любить, уважать истинно-человеческое к наду, чтобы они умели, наконец, гордиться собою. Поэтому, на сцене современного театра необходим герой в широком, истинном значении понятия, нужно показывать людям существо идеальное, о котором весь мир издревле тоскует...» И дальше: «...В наше время необходим театр героический, театр, который поставил бы целью своей идеализацию личности, возрождал бы романтизм, поэтически раскрашивал бы человека... человека-героя, рыцарски самоотверженного, страстно воплощенного в свою идею, ...человека честного деяния, великого подвига». Горьковская программа положительного героя остается в силе и в наше время, и мне кажется, что здесь нечего стесняться в дозах положительного и идеального. Образ величавого Рыбинина в «Достигаеве и других» — яркий этому пример. Но всегда должно быть выполнено только одно, — совершенно непереносное условие — герой должен быть живым и деятельным человеком, одержимым высокой целью и высоким идеалом.

Принимая целиком горьковскую позитивную программу, мы не должны забывать и горьковской непримиримости ко всему, что мешает строить новую светлую жизнь, его воинствующего гуманизма. Здесь Горький бескомпромиссен и беспощаден. Многие же из современных драматургов, даже ставя себе целью разоблачение отрицательных явлений, мелких людей, консерваторов, бюрократов, стоят на либеральных позициях преклонения и снисходительности. Их выводы как бы ограничиваются «выговором без занесения в личное дело».

В нашей стране есть много театров, носящих имя Горького. Я убежден, что все без исключения советские театры должны нести имя Горького и на своем знамени, и в своем сердце.